

сами понимаете, что будет...

Так говорил бы я, но, увы, господина в лакированных ботинках я не убедил бы.

Он начал бы бормотать или наконец понял бы, что он не хочет... не может... не желает идти воевать...

- Ну-с, тогда ничего не поделаешь, - вздохнув, сказал бы я, - раз я не могу вас убедить, вам просто придется покориться обстоятельствам!

И, обратившись к окружающим меня быстрым исполнителям моих распоряжений (в моей мечте я, конечно, представил и их как необходимый элемент), я сказал бы, указывая на совершенно убитого господина:

- Проводите господина к воинскому начальнику!

Покончив с господином в лакированных ботинках, я обратился бы к следующему...

Но, ах, оказалось бы, что я так увлекся разговором, что чуткие штатские, услышав только начало его, бесшумно, один за другим, покинули кафе.

Все до одного, все решительно!

.....
Трио на эстраде после антракта начало "Танго". Я вышел из задумчивости. Фантазия кончилась.

Дверь в кафе все хлопала и хлопала.

Народу прибывало. Господин в лакированных ботинках постучал ложечкой и потребовал еще пирожных...

Я заплатил двадцать семь рублей и, пробравшись между занятыми столиками, вышел на улицу.

"Кавказская газета", 5/18 января 1920 г., э 4(84).

understand what will happen then..."

That's how I would speak, but, alas, I would not convince the gentleman in the patent leather dress shoes.

He would start to mutter or finally would understand that he doesn't want, can not, does not desire to go fight...

"Well then, you can't help it," sighing, I would say, "if I can't convince you, you'll just have to submit to the circumstances!"

And, turning to the efficient executors of my orders that surround me (in my dream I, of course, also imagined them as an obligatory element), I would say, pointing at the completely deflated gentleman:

"Take this gentleman to the commanding officer!"

Having dispatched the gentleman in the patent leather dress shoes, I would turn to the next one...

But, ah, as it would turn out, I had gotten so carried away with the conversation that the sensitive civilians, having heard only the beginning of it, noiselessly, one after the other, left the café.

Decidedly all of them, to the very last one!

.....
After the intermission the trio on the stage began playing "Tango." I came out of my reverie. The fantasy was over.

The door to the café banged and banged.

The crowd expanded. The gentleman in the patent leather dress shoes knocked with his spoon and demanded some more pastries...

I paid twenty seven rubles and, making my way among the occupied little tables, went outside.

The Caucasian Newspaper, 5/18 January, 1920 (э 4(84))